

Цзи Цинюэ совершенно не подозревал, какая паника охватила семью Ли. Сейчас он маялся от безделья: доев последнюю лепешку, он отряхнул руки и решил пустить всё на самотек.

Как говорится, пришла беда — отворяй ворота, хуже дела уже не станут.

Покончив с лепешкой, он по привычке заглянул на огород и неожиданно обнаружил, что всходы риса растут с поразительной скоростью!

Всего за два дня проросли все шесть зернышек, и двухдюймовые зеленые ростки вытянулись строго вверх.

Как известно, рис должен расти на заливных полях. Ему что же, теперь придется обустраивать отдельный рисовый чебурек, или эта волшебная земля позволит обойтись без лишних хлопот?

На данный момент затея с созданием рисового поля казалась ему довольно хлопотной. Рисовое поле есть рисовое поле — к нему необходимо подвести воду, и оно должно эту воду удерживать.

Во время колошения рису жизненно необходима влага. Если в картине не предусмотрен такой способ получения воды, как дождь, оставалось рассчитывать лишь на ручей перед хижинкой. Но таскать воду в поле ведрами по капле невозможно, поэтому нужно выбрать участок поближе к воде, прокопать канаву, соединяющую ручей с будущим полем, и слегка перегородить русло ниже по течению, чтобы уровень воды поднялся. Тогда ручей естественным образом непрерывным потоком хлынет в поле, а когда вода не нужна, канаву можно просто перекрыть.

Сказано — сделано.

Где же лучше разбить рисовое поле?

В идеале рисовое поле следовало бы устроить на том большом пустыре перед хижинкой. Если бы всё удалось, перед дверью раскинулось бы золотящееся рисовое поле, и он собирал бы урожай за урожаем. Стоило Цзи Цинюэ только представить эту картину, как на душе у него сразу теплело.

Но пока этот пустырь трогать нельзя: любые изменения тут же привлекут внимание посторонних.

Тогда Цзи Цинюэ тщательно всё осмотрел и в конце концов присмотрел свободный клочок земли позади хижинки слева. Пустырь был не слишком велик, на его расчистку не уйдет много сил, к тому же он находился недалеко от ручья — не придется рыть слишком длинную канаву.

Прежде чем браться за дело, Цзи Цинюэ немного забеспокоился насчет почвы. Если земля окажется недостаточно плотной и глинистой, вода легко уйдет под землю и поле не сможет ее удерживать. Огород за хижинкой состоял из песчаной почвы: она хороша для овощей, но

совершенно не подходит для выращивания риса.

Опасения опасениями, но Цзи Цинюэ все же подобрал заостренную деревянную палку, которую приспособил вместо мотыги, и направился к небольшому пустырю.

Прикинув на глаз, он решил, что на этом клочке земли вполне можно возделывать рисовое поле площадью около семидесяти-восемидесяти квадратных метров — примерно одну сотку.

Цзи Цинюэ очертил границы будущего поля на земле. Поскольку это была всего лишь пробная посадка, не обязательно распахать всю сотку целиком — хватит и участка, способного вместить с десяток рисовых ростков.

Намеченный надеток лежал всего в трех-четыре метрах от ручья. Он планировал выкопать в обозначенных пределах яму площадью два-три квадратных метра, чтобы проверить состав почвы и узнать, годится ли она под рисовое поле. Иначе, если вода станет уходить слишком быстро, все труды пойдут прахом.

Цзи Цинюэ для начала выдолбил углубление глубиной около тридцати сантиметров и присмотрелся к вынутой земле. Поначалу это действительно был песок, но по мере того, как яма становилась глубже, почва постепенно уплотнялась и становилась более вязкой. Цзи Цинюэ смог вздохнуть с облегчением — это был хороший знак.

Такая глина куда лучше удерживала влагу: вода просачивалась медленно, и на поле долго сохранялся уровень воды.

Убедившись, что затея осуществима, Цзи Цинюэ принялся за работу. Сперва он расчистил пустырь от сухих ветвей и сосновой хвои. Ранее в свободное время он смастерил деревянные грабли с тремя зубьями, с помощью которых быстро сгреб хвою в кучу и сложил ее на хранение за хижинкой.

За расчисткой последовала перекопка почвы. В отличие от обычного огорода, где требовалось взрыхлить лишь самый верхний слой, для рисового поля нужно было устроить углубление, выкапывая землю в глубину.

Цзи Цинюэ трудился до самого заката и наконец закончил рыхлить участок. Глубина везде составляла тридцать-сорок сантиметров, дойдя до более глубокого, вязкого глинистого слоя.

В завершение предстояло выкопать канаву, чтобы пустить воду на поле.

Эта тяжелая физическая работа не требовала особых навыков. До наступления темноты Цзи Цинюэ прокопал отводную канаву. Ручей был довольно широким, перебраться на другой берег он не мог и перекрыть русло полностью не получалось, поэтому он выложил из камней косую полустенку-запруду, направляющую воду в канал, а оттуда — прямо на поле.

Вскоре рисовое поле наполнилось водой. С комковатой землей рис расти явно не мог: Цзи Цинюэ босиком круг за кругом ходил по залитому участку, ногами перемешивая грязь с водой, разбивая комья и превращая всё в сплошную жидкую жижу.

Подготовительные работы к посадке риса подошли к концу. Цзи Цинюэ выкопал три драгоценных ростка и пересадил их в рисовое поле.

Закончив с этим, он оперся на деревянную мотыгу, вытер пот со лба и с умилением — словно глядя на новорожденного ребенка — уставился на ростки, стоявшие в воде.

Растите на совесть, постарайтесь как следует.

Вечером, когда солнце скрылось за горами, крестьяне с мотыгами на плечах потянулись по домам.

Ли Санлан наконец вернулся домой, где его изнывающая от тревоги родня ждала сплошной стеной. Как оказалось, услышав слухи с юга, он отправился к своему старому другу по учебе, чтобы разузнать обстановку.

Матушка Ли с легкой улыбкой утешила уставшего сына: Санлан, давай поужинаем вместе, мы все ждем тебя. А обо всем остальном поговорим после еды.

Вся семья была в сборе, дома ждали горячая еда и горячий суп — не было таких трудностей, которые семья не смогла бы преодолеть вместе.

В молчании закончив трапезу, матушка Ли и Сюй Цин принялись убирать со стола, но Ли Санлан тихо окликнул обеих: Матушка, невестка, у меня есть кое-что важное для всех вас.

Каждый в комнате понимал, о чем пойдет речь: вернувшийся ранее Ли Эрлан уже в общих чертах обрисовал ситуацию.

Все расселись по местам с серьезными лицами. Главы семьи, дедушка Ли и бабушка Ли, заняли почетные места во главе стола, а поднявшиеся было матушка Ли и Сюй Цин снова опустились на скамьи.

Еще когда цены пошли вверх, мы подозревали неладное, но никак не думали, что за этим кроется... столь многое, — Ли Санлан сжал кулаки. — Вы ведь знаете моего закадычного друга Ду Юаня, его семья ведет торговые дела. Именно у него я и наводил справки. К сожалению, он ничего не слышал о том, что на юге нет шелковицы. Он лишь передал мне, что несколько крупных южных шелкопрядильных лавок сговорились с мастерскими понизить и взвинчивают цены на шелк-сырец. Причина пока неясна, но главное — власти уже вмешались, и цена на шелк в целом зафиксирована, сейчас она держится около четырехсот пятидесяти вэней. Раз чиновники взялись за дело, цены расти больше не должны.

Ду Юань был закадычным другом Ли Санлана с детских лет. Он жил в селении через два двора от Верхнего Ли, его семье принадлежали обширные земельные угодья, которые они сдавали в аренду крестьянам, промышляя в основном сбором зерновой ренты и торговлей. Он был одним из богатейших землевладельцев в округе и имел свои каналы как с местными, так и с дальними торговыми караванами, поэтому узнавал новости куда раньше простых людей.

Отец Ду Юаня слышал, будто в южных городах ходят упорные слухи, что лавки взвинчивают цены из-за того, что с наступлением осени местная шелковица гибнет целыми рощами. Если не удастся отыскать листья тутовника, на юге в будущем году не смогут выпрясть шелковую нить. Видимо, об этом самом «отсутствии шелковицы» и говорил управляющий Чжан. Правдивы ли эти слухи — неизвестно, но я отродясь не слыхал, чтобы шелковица массово чахла.

Бабушка Ли десятками лет ткала шелк, поэтому ей доводилось видеть странную гибель тутовых деревьев, да и причины этого она прекрасно знала. Тутовник гибнет целыми рощами исключительно из-за неподходящей почвы или вредителей с болезнями. Причем от неблагоприятной почвы деревья заболевают и чахнут, а погубить их может как засуха, так и избыток влаги.

Ли Эрлан склонил голову набок: Но в этом году вроде бы не было слышно о засухе или наводнениях на юге.

Ли Санлан мысленно возблагодарил небеса: слава богу, дело не в засухе и не в паводках. Если бы на юге случилась природная напасть, пострадали бы не только тутовые деревья — под удар попали бы и созревающие зерновые культуры, и тогда поднялся бы шум куда больший, чем просто подорожание шелка.

Бабушка Ли сохраняла невозмутимость: Когда я была маленькой, на севере тоже случалось бедствие, когда тутовник чах и погибал целыми рощами. Сотни и тысячи му тутовых полей засыхали в считанные дни, листья опадали сплошным ковром, и даже немедленная вырубка больных деревьев ради спасения уцелевших не помогала — оставшиеся все равно гибли, остановить это было невозможно. Делать было нечего, и уездный начальник приказал вырубить весь тутовник и засадить поля заново.

Ли Санлан никогда об этом не слыхал. Прикинув в уме, он понял, что происходило во времена детства бабушки, по меньшей мере лет пятьдесят назад. Пятьдесят лет назад? Разве это не эпоха императора Хуэй-ди и его противостояния с иноземцами в степях?

Бабушка Ли погрузилась в воспоминания: Я помню, как оттуда, из степей, пришел народ хунну. Мой отец и матушка увели всю семью прятаться в горы, а потом подросли войска династии Да-Ли и прогнали захватчиков. Те несколько лет обе стороны гонялись друг за другом в поисках пастбищ, непрерывно схлестываясь в боях. В конце концов линией разграничения стала пустыня Гоби, и лишь когда хунну загнали обратно в пески, война на время затихла. Те годы стерли с лица земли почти все тутовые и хлебные поля, а всего через несколько лет после восстановления случилась та напасть с увяданием шелковицы. Все тогда поговаривали, что это хунну отравили землю под тутовником, это они утомили наши деревья.

Ли Эрлан: Но столько лет прошло, стычки с хунну не прекращаются и по сей день, торговля при этом идет своим чередом — только как же они умудрились отравить тутовые поля на далёком юге?

Юг отличался от севера: к чужакам там относились куда менее терпимо. Заметить на южной дороге иноземца — значит вызвать всеобщее подозрение. Подозрительно косились не только простолюдины, на любого пришельца на улице тут же набрасывались с расспросами патрульные стражники. Прошло пятьдесят лет, хунну и Да-Ли продолжали препираться, соседи то и дело тревожили приграничье, норовя при случае поживиться припасами — они были как кость в горле для Да-Ли.

Суметь незаметно отравить деревья так, чтобы никто не обнаружил отравления, да еще в таких масштабах, чтобы цены на шелк взлетели до небес — как ни крути, задачка казалась невероятно сложной.

Неужели на свете и впрямь существует столь диковинный яд?

Бабушка Ли вздохнула: Что в те годы, что сейчас — простой народ пересказывает лишь то, что гуляет по улицам в виде слухов, а власти ничего не подтверждали официально. Ни тому, что услышал Эрлан, ни тому, что разузнал Санлан, ни даже тому, действительно ли на юге нет шелковицы, нельзя верить слепо.

Эти слова указали братьям совершенно новое направление для размышлений. Все замерли в оцепенении. Молодой Ли Санлан не обладал бабушкиным житейским опытом, а потому не осмеливался открыто ставить под сомнение правдивость того, о чем трубили все подряд.

Хотя в те времена объемы производства шелка на севере были далеко не такими большими, как теперь, даже тогда сочетание местных усобиц и гибели тысяч му тутовника не вызывало столь бешеного роста цен, какой мы видим сегодня. А нынешний резкий скачок цен на шелк как на севере, так и на юге — неоспоримый факт. Это значит, что на юге стряслось что-то из ряда вон выходящее. Но тут кроется неувязка, звучит это как-то дико: пусть даже наши вести запаздывают, не может быть, чтобы до нас вообще не дошло никаких известий о южных бедах?

Эти слова снова заставили всех вздрогнуть и онеметь.

Бабушка Ли озвучила то, о чем они до сих пор даже не задумывались.

Ли Санлан с острым пониманием уловил смысл бабушкиных слов: Бабушка, ты хочешь сказать, что кто-то намеренно разгоняет цены на шелк, а на юге вовсе нет никакого кризиса с шелковицей?

Бабушка Ли степенно сидела, сложив руки на коленях, с суровым лицом: Эрлан, Санлан, я лишь хочу, чтобы при любых столкновениях с бедой вы глядели шире и думали головой, а не следовали за поверхностными явлениями, теряя способность рассуждать. На юге все не так

просто.

Оба брата в один голос ответили, что поучение усвоили.

Старики хоть и стары, но разум их ясен, а самое ценное — это прожитая жизнь и накопленный опыт.

Вдохновленный словами бабушки, Ли Эрлан продолжил рассуждения: Раз так, бабушка, Санлан: в прошлые времена цены на шелк в самый лютый неурожай поднимались от силы на восемьдесят-девяносто вэней, да и зерно следом дорожало на два-три вэня — дело обычное. А ныне шелк замер на отметке в четыреста пятьдесят вэней. Сколько же просят за просяное зерно?

Ли Санлан ответил: Сегодня я справлялся у Ду Юаня, зерно в уезде установили по двадцать пять вэней за доу.

Санлан, ты считал? Обычная крестьянская семья после уплаты шелкового налога имеет излишков всего на одну-две пэры ткани, выручая за них лан-другой серебра. С просом же дело обстоит иначе: после уплаты зернового налога зажиточные дворы оставляют себе припасов на год, а то и на полтора-два вперед, а те, что победнее, затянув пояса, все равно дотягивают до осеннего сбора урожая будущего года.

Доу проса по двадцать пять вэней, а наш дом хоть и не богат, но пару сотен доу излишков наберет. Продав шелк и зерно, можно выручить около десяти лянов — а это уже огромные деньги! Причем львиную долю составят именно деньги от продажи зерна. Когда цены на шелк пойдут вниз, зерно тоже подешевеет, и тогда на вырученное от зерна серебро удастся купить еще больше хлеба. Глаза Ли Эрлана прояснились. Когда он упомянул об остатках шелка-сырца, матушка Ли и Суй Цин согласно закивали: судя по их обычным темпам прядения, после выплаты налога у них на руках действительно оставалась пара пэр. А не может ли быть так, что истинная цель нынешнего искусственного разгона цен на шелк на юге — взвинтить цены на просо и заставить как можно больше людей сбывать зерно? Санлан, обратил ли ты внимание...

Ли Санлан подхватил мысль: На рынке цены обычно выставляют продавцы. Закупочные цены хоть и ползут вверх следом за ними, но зачастую оказываются ниже продажных на добрую половину или даже вполтину меньше. Так торговцы страхуются, чтобы при откате цен обратно не остаться в убытке.

Верно. Но нынче закупочные цены на зерно и шелк почти не уступают продажным. Зачем скупать по столь запредельным ценам? Ладно бы шелк, но почему зерно тоже метут по баснословной стоимости? Если разложить все по полочкам, становится очевидна истинная цель этого подорожания: на юге, скорее всего, проблемы с зерном!

Хотя такое предположение звучало более убедительно, Ли Санлану от этого легче не стало. Проблемы с шелком были куда меньшим злом, чем проблемы с зерном, однако это ничуть не умаляло его восхищения: Хитрая многоходовка... Под шум грандиозного взлета цен на шелк

сотни вэней разницы отвлекли внимание большинства людей, а рост цен на зерно попросту замаскировали. Никто не заметил подвоха в стоимости хлеба и не связал это с зерновым кризисом.

Матушка Ли уловила суть рассуждений сыновей и высказала свою догадку: При таких масштабах — неужто это государственная политика? Ведь проверить такое крупное дело, как искусственное взвинчивание цен на шелк у всех на виду и при этом не опасаться властей... Без их дозволения никто бы не посмел действовать столь дерзко.

Ли Эрлан согласился со слова матери, сжав губы: Выходит, власти хотят восполнить нехватку южных запасов за счет севера?

Стоило додуматься до этого, как мысли у Ли Санлана заструились, подобно роднику: Различия в пищевых привычках между севером и югом огромны. На юге едят преимущественно рис, и во многих местах к просу просто не привыкли. Крупные шелкопрядильные лавки Цзяннаня объединили усилия, разом качнув цены на северный шелк — и раз уж в нашей глуши это отдалось столь мощным эхом, то в других краях и говорить нечего. Зачем столько сил тратить на скупку колоссальных объемов проса? Скорее всего, заполнять предстоит армейские склады или государственные житницы. Пополнение запасов зерна способно лишь отвести глаза, но не решить проблему окончательно.

Сюй Цин слушала с замиранием сердца и не удержалась от собственных предположений: Неужто грядет мятеж? И то, что батюшку с мужем вызвали в военное ведомство раньше срока — неужто тоже из-за юга? Военная смута была ее кошмаром наяву, пережить который заново она не пожелала бы до конца своих дней.

Северная граница тянулась на тысячи ли, и вдоль нее стояли гарнизоны из несметного числа солдат. Вся империя Да-Ли при административном делении была разбита на четырнадцать пу, а одних только военных округов-фу насчитывалось более восьми сотен. Каждый такой военный округ был равен отдельной армии, и в каждом числилось около тысячи бойцов.

Штат гарнизонов был фиксированным, но по дорогам-пу они распределялись неравномерно — где-то густо, где-то пусто. Взять их родную Хэсискую дорогу: это был важнейший стратегический рубеж обороны. Почти половину всех воинских фу — около четырех сотен — власти сосредоточили именно в Хэси. Эти гарнизоны тянулись цепочкой вдоль протяженной границы, отражая врагов с двух сторон: на юге сдерживали туюгунь, на севере — хунну, оберегая узкую ленту торговых путей.

Основным рационом армии служило просо. Скупка зерна по завышенным ценам служила тайной поддержкой для крестьян: случись война, с деньгами в кармане люди не поддадутся панике. А как только собранный властями осенний урожай поступит в закрома, двор прикажет зерновым лавкам выбросить рис на рынок, и цены сами собой пойдут вниз.

Ли Эрлан снова засомневался: Получается, слова управляющего Чжана об отсутствии шелковицы — и вправду пустышка?

Затевать столь сложную многоходовую комбинацию ради дополнительного сбора зерна?

Прикрыть нехватку шелка как предлог для поднятия цен на шелк, через него взвинтить цены на зерно, а затем начать массовую скупку хлеба для нужд гарнизонов?

Трудно сказать... Ведь расстояния огромны, да и власти, кажется, старательно перекрывают все каналы вестей.

Старик Ли стукнул кулаком по столу: Начнется ли мятеж, пропадет ли на юге шелк и зерно — мы должны блюсти собственный дом, строго спрашивая с самих себя. Эрлан, связку ключей от амбара храни пуще глаза! На случай непредвиденных бед сократите ежедневную порцию еды. О сегодняшнем разговоре никому ни слова — запомнили?

Важные решения принимались старшими.

Служа опорой и стержнем семьи, дедушка Ли обычно говорил мало, но сейчас, в отсутствие отца, именно он оставался душой, на которой держался весь дом.

Все дружно ответили: Запомнили.

Поразмыслив еще немного, старик Ли добавил: Я сам наведаюсь к Да-Цзину, напому им. У них в семье три парня на выданье, земли за душой мало, а запасов зерна и вовсе кот наплакал. Если и впрямь стрясется беда, одолжить им зерна придется заранее, не дожидаясь беды — нельзя отворачиваться от людей и остужать родственные сердца.

Обсудив все дела, домочадцы разошлись по комнатам на отдых.

<http://bllate.org/book/20806/2091677>